

Рядом с нами

Дитя мира искусства

Я возвращалась из отпуска. Кроме меня, в купе был молодой майор с женой и четырнадцатилетняя пухленькая девочка с комсомольским значком на нарядной кофточке. Она ехала одна. Ее провожала веселая, богато и красиво одетая женщина, попросившая присмотреть за дочуркой и не разрешать ей есть слишком много мороженого. Затем мать дала девочке двести рублей на дорожные расходы, расцеловала ее и, взяв слово, что она телеграфирует сейчас же по приезде, вышла из вагона.

От этой не замолкшей ни на минуту хорошенькой девочки наше купе узнало много любопытных вещей. Бойкая, избалованная и, видимо, всегда находившаяся среди взрослых, она, точно маленькая светская львица, беспрестанно поглядывала в зеркало и рассказывала историю за историей. Мы узнали, что на Кавказе у них есть свой домик, что однажды мама послала из Москвы посылку, в которой были очень вкусные конфеты, шоколад и бутылка со скипидаром. Бутылку плохо закупорили, все пропахло, и ничего нельзя было есть, но папа дождался, когда выветрится, и ел.

После этого девочка почему-то долго сама смеялась, а потом рассказала, как зимой их домработница купила живую рыбу и положила ее в ванну без воды. Ночью рыба почувствовала, что она умирает, и стала бить хвостом и подпрыгивать. Проснулись мама и домработница и открыли кран. Шум воды разбудил маленькую сестренку. Она увидела в воде рыбу и потребовала удочку. Пока ее успокаивали, проснулась вся семья. Дедушка влопыхах открыл кран с горячей водой. Тогда папа страшно раскричался и сказал, что переедет жить в гостиницу и эту рыбу есть не будет.

Узнали мы также, что у папы очень красивые волосы, что он — работник искусств, сейчас находится в Рио-де-Жанейро, но подарком не шлет и вообще терпеть не может разных там тряпок

это ведь не мама. Кстати, мама у нее такая молодая, что, когда заплетет косы, то незнакомые люди принимают их за сестер.

— Знаете, — не унималась болтушка, — моя мама недавно ездила на экскурсию в Норвегию. Их автобус ночью с вещами стоял незапертый около гостиницы, и из него ничего не украли!.. А на даче под Москвой у нас радиола и два бульдога, а в Москве только телевизор и кошка с котятками.

Девочка уверяла нас, что Гагры — лучшее место на земле, что там есть танцевальная площадка, чудесные парки, а в Курортторге — китайские полотенца.

Наша «Шахразада» замолкала только тогда, когда принималась за еду. Тогда в купе становилось так тихо, будто выключили радио. Вообще-то говоря, в ней не было ничего хвастливого. Она просто излагала все свои жизненные познания.

Жена майора побледнела от ужаса, узнав, что по окончании десятилетки девочка делает себе пластическую операцию рта, которая делается очень просто: нужно только разрезать рот в длину и опять зашить его, слегка стянув швы, что придаст губам пухлость, как у одной из звезд экрана. Мама уже дала на это свое согласие. «Не могу же я всю жизнь иметь губы, которые меня не устраивают!»

— Я в маму. Я люблю наряды, но иногда они мне надоедают. — щebetала девочка, явно повторяя чьи-то слова. — А у мамы этого не бывает. Мама говорит, что с возрастом и у меня это пройдет.

Жену майора от всего этого слегка затошнило. Она вышла из купе, а девочка стала говорить о литературе, сообщив нам, что вдвоем писать пьесы гораздо легче, чем картины или стихи.

Мы молчали, а она перечисляла по пальцам неизвестные нам фамилии «гениальных» художников, потом пожаловалась на свою необыкновенную загруженность в школе: на чтение времени совершенно не остается, хотя все-таки за эту зиму она сумела прочитать «всю иностранную классическую литературу».

— Понравилась вам «Западня»? — спросила ее жена майора.

Девочка честно призналась, что не читала этой книги.

— Не дают же ребенку все читать, — поправила жену майор. — Уж наверно, ее чтением кто-нибудь руководит.

Но девочка поспешила объяснить, что она читает все, и родители ей это разрешают, что никакой разницы между возрастом в четырнадцать и шестнадцать лет нет, а если детям что-либо запрещают, то им хочется делать назло. И это «портит детскую душу».

Под эти соображения я залезла на верхнюю полку и задремала.

Проснувшись, я увидела, что девочка экзаменует майора по литературе. Сейчас он должен был ответить на вопрос, у какого советского писателя больше всего искренности. В купе стало тихо.

Но девочка органически не могла выносить тишину и рассказала нам про одного смешного знакомого, который страшно любит жениться, хотя человек он очень порядочный и всегда оставляет старым женам старые квартиры.

Майор с женой переглянулись, а девочка устремилась к проходившей по коридору продавщице мороженого и купила себе шесть порций, сказав, что может съесть еще больше, но сейчас побаливает горло.

— У меня две страсти: мороженое и книги. В книгах мне родители не отказывают, а вот с мороженым хуже: мама вечно бьется за мое горло. Она пыталась приучить меня пить кофе с мороженым, но из этого ничего не вышло.

— А это вкусно? — с любопытством спросила жена майора

— Нет. — ответила девочка. — Я люблю просто со сливками.

Потом она попросила супругов называть их любимую советскую поэтессу. В купе опять воцарилась тишина. Под мерный стук колес супруги думали. Жена, так и не вспомнив, сладко заснула.

А девочка назвала одну из ленинградских поэтесс и сделала это таким тоном, что я настояжилась. Вдруг став очень серьезной, она, не мигая, посмотрела на майора.

— Читал — ответил майор. — правда, немного.

Девочка удивленно поглядела на него и стала читать ему на память стихи, по-

видимому, своей любимой поэтессы. Я думаю, что она знала наизусть все ее произведения. Теперь девочка стала совсем другой. Весь день она болтала всякий вздор, повторяла чужие мысли — мысли папы, мамы, знакомых. Сейчас она говорила свои мысли, и это ей очень шло. Она любила и понимала поэзию и, читая стихи, прекрасно доносила их смысл. Слушая ее, майор задумчиво смотрел в окно, изредка поглядывая на свою изменившуюся спутницу.

— Вы понимаете, как это чудесно? — спросила она.

— Понимаю, — ответил майор, вперывые улыбнувшись ей по-дружески.

Они говорили о поэзии. До полуночи девочка читала стихи многих других известных и неизвестных мне наших поэтов. С верхней полки я ясно видела ее личико. Раньше оно казалось мне просто хорошеньким лицом избалованной, нахватавшейся от взрослых всякого вздора четырнадцатилетней девчонки. Но теперь оно мне показалось значительным и красивым.

Когда поезд подходил к Москве, девочка крупным почерком торопливо переписывала майору несколько особенно понравившихся ему стихотворений.

**

Это было прошлым летом, а я до сих пор часто вспоминаю нашу юную попутчицу. Я вспоминаю ее не только тогда, когда вижу в ЦДРИ модную молоденькую, бледнущую при первых звуках джаза, не только когда вижу в коммиссионном магазине пятнадцатилетних девочек, которые сами выбирают себе «материальчик на пижамку» и родители которых выражают свою любовь к ним, главным образом, тем, что ни в чем им не отказывают.

Я вспоминаю нашу спутницу и тогда, когда читаю стихи или слушаю, как их читают другие... Я думаю, что из этой девочки мог бы выйти толк: у нее хороший вкус, чутье, она умная и с хорошей фантазией. Конечно, она уже очень испорчена. И может быть, что скоро с помощью своих родителей она превратится в модную куклолку, выйдет замуж за мальчику «своего круга» и будет смотреть на жизнь из окон мягкого вагона. А может быть, она сумеет свернуть с этой мешанской тропы, так

не гармонирующей с нашей жизнью, и будет шагать одной с нами дорогой, и сама найдет свое место в жизни.

Сумеет ли? Если с ней этого не случится, мне будет очень жаль...

Елизавета АУЭРБАХ